

Жанровое разграничение бурятских легенд и преданий

Л. Ц. МАЛЗУРОВА

(БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье рассматриваются различные подходы к дифференциации жанров сказочной прозы в отечественной фольклористике (научные работы Б. Н. Путилова, В. П. Аникина и др.). Анализ производится на примере жанров бурятского фольклора.

Ключевые слова: разграничение жанров, жанрообразование, функция легенды, отношение к действительности, вероятность, истинность, событие, фольклор, жанры, Бурятия.

Изучение жанрового состава фольклора является одной из главных областей исследования отечественной фольклористики. В современной фольклористической науке си-

стематизация жанров так и не обрела четкости критериев. К определению основных критериев жанрообразования обращается В. П. Аникин. Важным условием формирования жанра

он считает «осознание общей целевой установки, существующей у произведений сходного типа...» (Аникин, 2004: 103). Не обходя вниманием и близость тематики произведений, он подчеркивает: «...жанр возникает не только на основе тематической близости произведений... У жанра всегда налицо свой угол зрения на воспроизводимую реальность» (там же: 106).

К вопросу классификации фольклорных жанров обращается и Б. Н. Путилов. Он придерживается дробления материала на небольшие группы, поддерживая в данном вопросе В. Я. Проппа, отметившего, что «в фольклористике господствует какой-то страх перед дробными категориями... необходимость подчинения или соподчинения просто не осознается» (Пропп, 1976: 40). Многоступенчатые деления, подчеркивает Б. Н. Путилов, необходимы, «поскольку они отражают реальность процессов жанрообразования и жанроизменения» (Путилов, 2003: 170). При определении единых критериев классификации, по его мнению, «общей кажется ориентация на такие генерализирующие моменты, как содержание (т. е. основная содержательная направленность, доминанта, а вместе с нею определенный угол зрения, отношение к действительности, к внежанровому миру), поэтика/структура, бытовое назначение (функциональные связи), формы исполнения, музыкальный строй (для части жанров) и связи с другими видами искусства» (там же: 169–170).

Жанровая схожесть преданий, легенд, бывальщин, сказок, неразличение их исполнителями и отсутствие четкой народной терминологии для их обозначения создают вполне допустимую трудность в разграничении данных жанров (Чистов, 2005: 50). К. В. Чистов предложил два пути дифференциации данных произведений по жанрам: «...а) различение рассказов в зависимости от характера системы, составной частью, проявлением или элементом которой они являются (исторической, социально-утопической, религиозной, космогонической, этногонической, зоогонической, топонимической и т. д.); б) различение их в зависимости от наличия или отсутствия фантастики» (там же).

Б. Н. Путилов полагает, что легенды и предания относятся к внеобрядовой прозе, которой присуща «установка на рассказывание и невключенность в обрядовую жизнь»: «Рассказывание вне обряда — это специфический, организованный целой системой правил, этикета, запретов культурный феномен» (Путилов, 2003: 172).

Опираясь на наши наблюдения за рассказчиками во время встреч и непосредственных бесед с ними, мы всецело принимаем позицию Б. Н. Путилова о функционировании легенд и преданий вне обряда, поскольку рассказывание данных повествований происходило по нашей просьбе или непосредственно во время бесед на разные темы. Например, при встрече с народным поэтом Бурятии, знатоком, ценителем и сказителем устного народного творчества Ш. Д. Байминовым мы затронули тему Чингисхана, и он с присущей ему живостью поведал рассказ о месте близ Саянских гор, где великий полководец обрел вечный покой. Отсюда заключаем, что для бытования легенд и преданий не нужна какая-то особая среда, атмосфера исполнения обряда, данные произведения передаются слушателям в непосредственной обстановке.

В. Я. Пропп рассматривает в своих исследованиях основные жанровые признаки легенды, среди которых выделяет следующие: а) легендой может быть назван текст только «устный», а не «письменный»; б) текст, связанный с христианством (Пропп, 1998). Данного подхода к легендам придерживался и В. П. Аникин (Аникин, 1972).

Термин «легенда» в научный оборот вводит А. Н. Афанасьев, исследователь русских легенд и преданий. В этом его несомненная заслуга, хотя В. Я. Пропп подчеркивает, что исследователь не осознает легенду как самостоятельный жанр (Пропп, 1998: 270). К легендам А. Н. Афанасьев причислял рассказы, в которых действовали Иисус Христос и христианские святые. А. Н. Веселовский же, кроме рассказов религиозного характера, к легендам относит повествования и другого содержания, например, легенды о последнем императоре (Веселовский, 1875). К тому же он выделил основу сюжетообразования так называемых ме-

стных легенд: это наличие бродячего сюжета, не исключаяющего повествование о необычном, случайном событии.

Предметно-тематический критерий при определении жанров легенд и преданий остается одним из основных (Аникин, 1972; Левинтон, 2000; Чистов, 2005). Главенствующими среди тем, призванных объединять рассказы в легенды, считались темы о религиозном и чудесном. По нашему убеждению, если в тексте преобладает сверхъестественное над реальным, то данное повествование близко к легенде, если же достоверное выступает на переднем плане — это предание.

Ведущим критерием разграничения жанров устной прозы выступает также отношение текста к действительности, что прослеживается во многих отечественных исследованиях: в работах С. Н. Азбелева (Азбелев, 1965), К. В. Чистова (Чистов, 1967), Л. И. Емельянова (Емельянов, 1960), Э. В. Померанцевой (Померанцева, 1968).

Мы солидарны с В. П. Аникиным, утверждающим, что структурные особенности жанра определяются функцией и отношением к действительности: «...группа произведений со сходными темами, со сходным подходом к разрешению тем, со значительным сходством в формальных приемах должна обрести относительную самостоятельность, независимость формы от конкретного содержания каждого из произведений» (Аникин, 2004: 107).

К. В. Чистов кардинально меняет отношение к легенде как к жанру, в основе которого лежит вымысел, утверждая, что легенды «стимулируют народные движения, играют в них организующую роль, становятся их политическими и эмоциональными концепциями, влияют на них то благотворно, то губительно» (Чистов, 1967: 233), ибо они напрямую связаны с действительностью, легенда также рассказывает «о событиях или явлениях, которые воспринимались исполнителями как продолжающиеся в современности» (там же: 335), а в преданиях, как подчеркивает В. К. Соколова, «всегда рассказывается о прошлом — сравнительно недавнем или отдаленном», «действие в преданиях закончено, оно не имеет продолжения и не повторяется» (Соколова, 1981:

35–44). Данные позиции поддерживает и исследователь А. П. Липатова (Липатова, 2008).

Рассматривая отношение повествования к действительности одним из жанрообразующих признаков, необходимо заключить следующее: легенда рассказывает о событиях или явлениях, которые имели место быть в прошлом, связаны с настоящим, а в предании повествуется о событиях и явлениях, свершившихся в далеком прошлом, не имеющих продолжения в настоящем.

Г. А. Левинтон считает, что «легенды связаны преимущественно с персонажами священной истории (например, христианскими или исламскими святыми, евангельскими персонажами), предания же — с персонажами мирской истории, причем элемент чудесного в них необязателен» (Левинтон, 2000: 45).

Многие исследователи отмечают, что чудо занимает в легенде основополагающее место и сюжет повествования строится именно вокруг чуда (К. В. Чистов, В. К. Соколова, Б. Н. Путилов). А. П. Липатова признает, что «предание — это всегда история». В силу этого она рассматривает «чудо» как концепт текста легенды, а «историю» как концепт текста предания. Для чего применяет принятое в лингвистике разграничение «факта» и «события» (Липатова, 2008: 47).

Факт всегда в основе «истории». Чудо есть событие, которое неизменно нарушает привычный процесс, в данном случае процесс истории. По Липатовой, «местная легенда — всегда рассказ об иерофатическом чуде, то есть о событии инициальном, непонятном, нефункциональном и невероятном. В качестве оппозиционных можно обозначить следующие понятия: «история», «факт», «вероятное», «предание» vs «чудо», «событие», «невероятное», «легенда» (там же: 48–49).

А. П. Липатова, рассматривая механизмы текстообразования местных легенд, отмечает, что модальность является ведущим жанровым признаком текста несказочной прозы. Модальность достоверности, выверенная через такие понятия, как вероятность и истинность события, описываемого в легендах и соответственно в преданиях, становится отличительным признаком легенды от предания. И это, на

наш взгляд, очень верное замечание. Исследователь подчеркивает, что оба жанра сказочной прозы воспринимаются как истинные рассказы, но событие легенды в отличие от события предания оценивается как невероятное, случайное, фантастическое.

Как известно, бытование фольклорного текста напрямую зависит от рассказчика. Любое устное народное повествование, имея одним из своих признаков функционирования такой, как преемственность, осуществляет ее непосредственно через рассказчика, который, в свою очередь, волен признать ведущим такое значение произведения, как «истинность» и «невероятность». От данной ситуации зависит и то, к какому фольклорному жанру будет отнесено произведение. Для легенды, как известно, жанрообразующим признаком является «невероятность», а для предания — «истинность».

Пересказ, передача содержания повествований от рассказчика к слушателю в большинстве случаев сопровождается добавлением дополнительных деталей. К примеру, чтобы усилить осознание величины силы Намсарай Бухэ (бурятского силача), некогда проживавшего в Койморах Тункинской долины, применяется гиперболизация, типа: ургажа байһан модые үндэһэтэйнь абажа, үүзүрээрнь газар руу шаажархиба («вырвав с корнем растущее дерево, воткнул его верхушкой обратно в землю») (записано от Д. С. Малзурова, 1960 г. р.). Несмотря на внесение рассказчиком дополнительных деталей, сам факт истинности рассказываемого не подвергается ни малейшему сомнению. Рассказчик акцентирует внимание слушателя именно на правдивости содержания, а не на огромной силе богатыря, что подтверждает ссылкой на услышанное от деда, прадеда. В данном случае в силу признания рассказчиком ведущим значения истинности происходящего повествование неоспоримо относится к преданию, и наличие в произведении чудесного никак не влияет на изменение статуса произведения.

Исследователи безоговорочно признают информативную функцию предания. У В. П. Аникина находим: «...предание дает объяснение или пояснение причин каких-либо событий,

какого-нибудь реального факта» (Аникин, 1972: 7). В признании значимости информативной функции для предания солидарны с ученым и В. К. Соколова (Соколова, 1970: 252), Э. В. Померанцева (Померанцева, 1985: 215).

Вместе с тем не исключается информативная функция и легенды: «...как бы ни отличались друг от друга быличка, легенда, историческое предание своей тематикой, своим материалом... их объединяет общая доминантная функция: дать информацию, сообщить о происшествии, случае, герое, духе, святом» (Померанцева, 1975: 76). Далее исследователь Э. В. Померанцева о функции легенды отмечает и следующее: «...легенда <...> стремится поучать: идеализируя своих героев, призывая подражать им, она утверждает их святость, подвижничество или героизм. Основная ее функция — дидактическая» (Померанцева, 1985: 173).

К. В. Чистов функцию легенды рассматривает еще шире: «Легенды стимулируют народные движения, играют в них организующую роль... влияют на них то благотворно, то губительно» (Чистов, 1967: 336). В этом А. П. Липатова видит «перформативную» природу легенды (Липатова, 2008: 69). Вступая во взаимоотношения с действительностью, легенда играет определенную роль в изменении этой действительности, она оказывает определенное давление на нее: она ее достраивает, преобразует, трансформирует. Функция конструирования реальности — специфическая функция легенды. Данная особенность выделяет легенду из ряда других разновидностей фольклорной прозы (там же: 77). В силу способности легенды влиять на реальность ей отводится перформативная функция: «Легенда способна влиять на действительность, быть реальностью, подменять собой реальность. Легенда активизирует новые верования, новые культы. Это свидетельствует о «перформативной» природе легенды» (там же: 69). Как известно, специфическая черта перформативной функции заключается в сообщении информации о совершаемых действиях и в эквивалентности такого сообщения и совершаемого действия.

Проследим превращение легенды в связь с утратой «перформативной» функции в предание, рождение новых легенд на примере повествований о целебном источнике Шумак.

Слава о Шумаке разошлась далеко за пределами Республики Бурятия. Лечебные свойства источника настолько эффективны, что больные и немощные обретают здоровье. Рассказ об открытии источника имеет множество вариантов. По одному из них, знаменитый источник был открыт охотником по имени Шумак. Он ранил на охоте оленя и начал преследовать. После продолжительного преследования охотник увидел, как раненое животное, уже исцелившись, выходит из грязи. Это место заинтересовало Шумака, он исследовал его вдоль и поперек и убедился в целебности вод. Так был открыт знаменитый источник Шумак.

Другой вариант повествует об охотнике из племени сойот, который, преследуя раненого оленя, настигает его в узкой горной долине. Охотника, ожидавшего увидеть обессиленное животное, поразил вид здорового, исцеленного оленя, поднимающегося из грязи. Он заинтересовался свойствами грязи, впоследствии и источниками, расположенными поблизости (Шумак — источник жизни, 1999: 20).

Изначально рассказ этот был легендой, основу которой составляло «чудо» — открытие никем ранее не замечаемого свойства родника, впоследствии, утратив «перформативную» функцию, превратился в предание. Основное содержание рассказа не потеряло актуальности, но, перестав быть событием, данное открытие — «чудо» — «невероятность», «фантастика» превращается в «историю», и повествование переходит из легенды в предание. Молва о чудодейственном источнике рождает все новые легенды о действии целебной силы данного объекта. Легенда, поскольку ей присуща функция воздействия на реальность, т. е., по Липатовой, «конструирование реальности», с помощью изустной передачи слушателям информации о чудесных исцелениях от различных недугов привлекает множество жаждущих выздоровления.

К. В. Чистов так характеризует легенду: «Социально-утопические легенды не только предсказывают будущее, но и призывают к дей-

ствию. Отсюда — особо активная связь с социальной действительностью» (Чистов, 1967: 336). Приведенная выше легенда в силу имеющегося потенциала воздействия на действительность «призывает к действию», т. е. заинтересовывает народ в лечении от болезней с помощью целебного источника Шумак, пропагандирует его лечебные свойства.

Таким образом, нам импонирует раскрытие исследователем позиций, занятых легендой и преданием по отношению к реальности: предание имеет дело с уже готовой реальностью, которую оно подтверждает, объясняет. Легенда конструирует свою реальность, невероятную, необычную (модальность невероятности), поэтому она может влиять на нее (Липатова, 2008: 77).

Все вышесказанное позволяет заключить, что бурятские легенды и предания — это произведения устного народного творчества, которые объединяет следующее: рассказывание вне обряда, нацеленность на достоверность изображаемых событий, явлений из народной жизни, выполнение информативной функции. К легендам мы относим устные повествования, основу которых составляют необычные, чудесные явления, события, объединенные общей тематикой отражения народной жизни, в том числе и религиозного характера (связанные с буддийской религией, с шаманской верой), произошедшие в прошлом и продолжающиеся в настоящем. Чудо и как следствие событие или происшествие невероятного характера в них занимают главенствующее положение, не отрицается также и присутствие вымысла, фантастики. Отличительная особенность данных произведений заключается в рассказывании их только в устной форме. Легенда выполняет наравне с информативной дидактическую, перформативную функции. В преданиях изначально не допускается присутствие фантастики, в них преобладают истории и события, свершившиеся в далеком прошлом, не имеющие продолжения в настоящем и связанные с мирской жизнью. При этом необходимо подчеркнуть, что в случае отсутствия какого-то из перечисляемых критериев, необходимых для различения данных жанров, повествованию может быть присвоен статус определяе-

мого жанра в зависимости от превалирования направленности действующего компонента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азбелев, С. Н. (1965) Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность : сб. ст. / отв. ред. А. Н. Астахова. М. : Наука. С. 5–25.

Аникин, В. П. (1972) Художественное творчество в жанрах устной несказочной прозы (к общей постановке проблемы) // Русский фольклор. Вып. 13. Русская устная проза. М. : Наука. С. 6–19.

Аникин, В. П. (2004) Теория фольклора : курс лекций. 2-е изд., доп. М. : КДУ.

Веселовский, А. Н. (1875) Опыты по истории развития христианской легенды // Журнал Министерства народного просвещения. СПб. Апрель, май. С. 48–130, 283–331.

Емельянов, Л. И. (1960) Проблема художественности устного рассказа // Русский фольклор. Вып. 5. Материалы и исследования. М. ; Л. С. 247–264.

Левинтон, Г. А. (2000) Легенды и мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. М. : Большая Российская энциклопедия ; ОЛИМП. Т. 2. С. 45–47.

Липатова, А. П. (2008) Местные легенды: механизмы текстообразования : дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск.

Померанцева, Э. В. (1968) Жанровые особенности русских быличек // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов (Прага, 1968). Доклады советской делегации / гл. ред. И. А. Хренов. М. : Наука. С. 274–292.

Померанцева, Э. В. (1975) Соотношение эстетической и информационной функций в разных жанрах устной прозы // Проблемы фольклора / отв. ред. Н. И. Кравцов. М. : Наука. С. 75–81.

Померанцева, Э. В. (1985) Русская устная проза : учеб. пособие / сост. В. Г. Смолицкий. М. : Просвещение.

Пропп, В. Я. (1976) Фольклор и действительность : избр. ст. / сост., ред., предисл. и примеч. Б. Н. Путилова. М. : Наука.

Пропп, В. Я. (1998) Принципы классификации фольклорных жанров // Пропп В. Я. Поэтика фольклора. М. : Лабиринт. С. 173–184.

Путилов, Б. Н. (2003) Фольклор и народная культура. In memoriam. СПб. : Петербургское Востоковедение. 464 с.

Соколова, В. К. (1970) Русские исторические предания. М. : Наука.

Соколова, В. К. (1981) Изображение действительности в разных фольклорных жанрах (на примере соотношения преданий с историческими песнями и быличками) // Русский фольклор. Вып. 20. Фольклор и историческая действительность. Л. : Наука, Ленинградское отделение. С. 35–44.

Чистов, К. В. (1967) Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М. : Наука.

Чистов, К. В. (2005) К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы // Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция : сб. статей. М. : ОГИ, 2005. С. 44–51.

Шумак — источник жизни (1999) / сост. А. Т. Санданова. Улан-Удэ : Изд-во ВСГАКИ.

GENRE DISTINCTION OF BURYAT LEGENDS AND FABLES

L. Ts. Malzurova
(Buryat State University)

The article considers various approaches to the differentiation of the genres of non-fairy tale prose in the Russian folklore studies (scientific papers by B. N. Putilov, V. P. Anikin, etc.). The analysis is made by the example of Buryat folklore genres.

Keywords: genre differentiation, genesis of genres, function of legend, attitude to reality, probability, verity, event, folklore, genres, Buryatia.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Azbelev, S. N. (1965) Otnoshenie predaniia, legendy i skazki k deistvitel'nosti (s tochki zreniia razgranicheniia zhanrov) // Slavianskii fol'klor i istoricheskaia deistvitel'nost' : sb. st. / отв. ред. А. Н. Астахова. М. : Наука. С. 5–25.

Anikin, V. P. (1972) Khudozhestvennoe tvorchestvo v zhanrakh ustnoi neskazochnoi prozy (k obshchei postanovke problemy) // Russkii fol'klor. Vyp. 13. Russkaia ustnaia proza. М. : Nauka. С. 6–19.

Anikin, V. P. (2004) Teoriia fol'klora : kurs lektsii. 2-e izd., dop. М. : KDU.

Veselovskii, A. N. (1875) Opyty po istorii razvitiia khristianskoi legendy // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia. SPb. Aprel', mai. S. 48–130, 283–331.

Emel'ianov, L. I. (1960) Problema khudozhestvennosti ustnogo rasskaza // Russkii fol'klor. Vyp. 5. Materialy i issledovaniia. М. ; L. S. 247–264.

Levinton, G. A. (2000) Legendy i mify // Mify narodov mira. Entsiklopediia : v 2 t. М. : Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia ; OLIMP. Т. 2. S. 45–47.

Lipatova, A. P. (2008) Mestnye legendy: mekhanizmy tekstoobrazovaniia : dis. ... kand. filol. nauk. Ul'ianovsk.

Pomerantseva, E. V. (1968) Zhanrovye osobennosti russkikh bylichkek // *Istoriia, kul'tura, fol'klor i etnografiia slavianskikh narodov. VI Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov* (Praga, 1968). *Doklady sovetskoi delegatsii* / gl. red. I. A. Khrenov. M. : Nauka. S. 274–292.

Pomerantseva, E. V. (1975) Sootnoshenie esteticheskoi i informatsionnoi funktsii v raznykh zhanrakh ustnoi prozy // *Problemy fol'klora* / otv. red. N. I. Kravtsov. M. : Nauka. S. 75–81.

Pomerantseva, E. V. (1985) *Russkaia ustnaia proza : ucheb. posobie* / sost. V. G. Smolitskii. M. : Prosvetshchenie.

Propp, V. Ia. (1976) *Fol'klor i deistvitel'nost' : izbr. st.* / sost., red., predisl. i primech. B. N. Putilova. M. : Nauka.

Propp, V. Ia. (1998) *Printsipy klassifikatsii fol'klornykh zhanrov* // Propp V. Ia. *Poetika fol'klora*. M. : Labirint. S. 173–184.

Putilov, B. N. (2003) *Fol'klor i narodnaia kul'tura*. In *memoriam*. SPb. : Peterburgskoe Vostokovedenie. 464 s.

Sokolova, V. K. (1970) *Russkie istoricheskie predaniia*. M. : Nauka.

Sokolova, V. K. (1981) *Izobrazhenie deistvitel'nosti v raznykh fol'klornykh zhanrakh (na primere sootnosheniia predanii s istoricheskimi pesniami i bylichkami)* // *Russkii fol'klor. Vyp. 20. Fol'klor i istoricheskaia deistvitel'nost'*. L. : Nauka, Leningradskoe otdelenie. S. 35–44.

Chistov, K. V. (1967) *Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy XVII–XIX vv.* M. : Nauka.

Chistov, K. V. (2005) *K voprosu o printsipakh klassifikatsii zhanrov ustnoi narodnoi prozy* // Chistov K. V. *Fol'klor. Tekst. Traditsiia : sb. statei*. M. : OGI, 2005. S. 44–51.

Shumak — istochnik zhizni (1999) / sost. L. T. Sandanova. Ulan-Ude : Izd-vo VSGAKI.